

КОГДА НЕЧЕГО СКАЗАТЬ...

Наука открывать

М НЕ ПОЧЕМУ-ТО всегда кажется, что критик ходит только на премьерные спектакли, а просто сходить в оперу без «заказа на материал» ему вроде бы и некогда. Почти всегда от информации о том, что в оперном театре состоялась премьера, мастер слова плавно модулирует к событиям, происходящим на сцене. Основной героиней спектакля — режиссер, почва для критики — его интерпретация сценического произведения. И это понятно: замысел новой постановки давно уже стал прерогативой одной-двух творческих личностей, а осуществляет его целый коллектив. Бывает, сами исполнители не понимают идеи, но вынуждены иллюстрировать ее для зрителя.

Ну, это все на сцене. А по каким это таким признакам читатель узнает, что премьера состоялась все-таки в музыкальном театре? А, — вот!

Цитирую: «Певцы и оркестр не всегда находили друг друга». Оказывается, в спектакле принимал участие оркестр!

К туманному искусству дирижера у критиков просто дипломатический подход: «Дирижер, насколько могу судить (?!), был достаточно точен». Возникает мысль, что даже критики не догадываются, какую роль играет в оперном спектакле дирижер. Для сравнения — реплика из зала: «А зачем вам дирижер, вы же по нотам играете!».

Готовясь критиковать критиков, я читала Пушкина. Как известно, у Александра Сергеевича на все есть ответ. Так вот он понимал критику как «науку открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы». Поэт говорил: «Литература у нас есть, а критики нет...».

Кто-то из журналистов назвал нашу страну «страной оживающих анекдотов». И сейчас мне на память приходит старый анекдот о том, что «все женщины при встрече обсуждают три проблемы: хорошие дети, плохой муж и нечего надеть». В транскрипции оперной критики в адрес нашего театра это звучит примерно так: хороший балет, плохой оркестр и нечего посмотреть.

Вот приезжает Сергей Стадлер, ожидаемый в Перми как прославленный скрипач, и в который раз пред-

лагает взамен свое дирижерское искусство. Ни один дирижер мира не может этого сделать без помощи оркестра. Посредником между маэстро и коллективом всегда выступает лицо, организующее творческий процесс.

Ответственность за проведение фестиваля под именем Стадлера не взяли на себя ни оперный театр, ни филармония. Доморощенные пермские «дягилевы», случайные люди в культуре, сделали свое черное дело: предложение артистам оркестра участвовать в заключительном концерте прозвучало в оскорбительной форме. Результат — валторнисты оперного театра действительно принципиально отказались участвовать в концерте на любых финансовых условиях.

Стадлер, принявший отношение оркестрантов на свой счет, построил свою работу в ответном мстительном режиме. Номера концерта не репетировались, порядок исполнения объявлялся маэстро прямо на концерте, экспромт происходящего не вписывался в рамки понятия о профессионализме.

Как признался сам прославленный артист, «он не знал всех нюансов и был полон желания устроить скандал прямо перед зрителями». Ситуация, спровоцированная людьми, оставшимися за кадром, была спасена

усилиями артистов камерного оркестра «Аллегро» и исполнителей на духовых инструментах из оркестра театра балета. Они сделали все возможное и невозможное, чтобы зритель не пожалел о проведенном вечере в зале любимого всеми театра.

Нет, музыканты не боятся критики, напротив, они нуждаются в постоянном отклике, заинтересованном суждении, добром пожелании, искреннем мнении. За двадцать лет своей работы в оркестре я не встречала еще критика, который бы углубился в проблемы оркестрового исполнителя. Может быть, мне просто повезло. А, может быть, опять прав Вольтер: «Когда сказать нечего, всегда говорят плохо».

Людмила
ИВОНИНА

Аксию предлагает итатель

ПЕРМЬ НЕ ХУЖЕ ВЕРОНЫ

В письме А. М. ГОРЬКОМУ от 16 октября 1900 года А. П. ЧЕХОВ писал о своей пьесе «Три сестры»: «Действие происходит в губернском городе вроде Перми...».

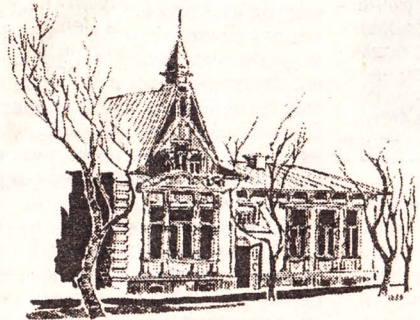

Рис. Вячеслава Новикова.

В памяти горожан три сестры жили именно в Перми. Существовал даже дом, именовавшийся в народе «Домом трех сестер» — 2-этажный, деревянный замок стоял неподалеку от нынешней Октябрьской пл. (за «Спутником»). Одряхлел и пошел под снос где-то в 80-е годы. Культурная общественность пыталась спасти этот дом, полемика газетная поднялась, но... управление культуры ответствовало, что это не исторический памятник, поскольку никаких сестер в природе не существовало. Лишенная материальной зацепки, память людей угасла. А жаль. Чехов, как известно, в Перми был, хоть и проездом. А в знаменитой пьесе его масса конкретных деталей, прямо указывающих на Пермь. Больно сознавать, что такая уникальная черточка стерта с лица нашего города. Пермь находится на карте мировой драматургии, как Верона, например...

Кое-что можно, по-моему, еще исправить. Если в Перми будет представительство ЮНЕСКО, то к 100-летию создания пьесы «Три сестры» (это осень 2000 года) можно было бы с помощью ЮНЕСКО провести некоторые акции. Поставить памятник героиням пьесы, например, на набережной. В театре мощную постановку сделать. При хорошей, как сейчас говорится, раскрутке лучшие режиссеры и актеры за честь бы почли в такой постановке участвовать. Конечно, в культурной сфере Перми мно-

го такого, что уже просто вопиет о финансировании. Но Чехова — то весь мир читает и знает... Надо вернуть Перми «Трех сестер».

Валентина ОВЧИННИКОВА,
доцент института искусств и культуры.

ВЕРНЕМ ПЕРМИ «ТРЕХ СЕСТЕР»!

От редакции. *Идея, предлагаемая нашей читательницей, витала в воздухе в конце 80-х. Борьба за особняк на ул. Луначарского, о котором идет речь (арх. Р. Карвовский, стиль модерн, начало века), велась общественностью долго и упорно. Об этом много писала тогда «Вечерка». Но добиться удалось только принципиального решения о восстановлении здания на новом месте, на ул. Кирова (б. Пермской). Большего при тогдашнем главном архитекторе трудно было добиться. Когда «дом трех сестер» все же снесли (а Дом Грибушина, у которого был столь же высокий процент износа, чудом выжил), у энтузиастов «на руках» остались обмеры, документация и фрагменты резных деревянных деталей замка, их помогли снять студенты Пермского художественно-графического училища. И лишь недостаток средств помешал обществу охотников и рыболовов, предполагавшемуся новому хозяину замка, довести проект восстановления до конца. Но от замысла не отказались. Что касается памятника трем сестрам, то идея эта, похоже, также овладевает массами. С этим предложением впервые выступил в интервью, данном «Пермским новостям», известный московский писатель, наш земляк Анатолий Королев. Таким образом, у пермяков есть и «рука» в столице. Идею надо двигать здесь, внедряя в умы властей и бизнесменов.*

НЕ ЗНАЛИ, ЧТО ИМ ПРЕДПРИНЯТЬ

Маленькая заметка в рубрике «Обратная связь» (в предыдущем номере «Культуры») показала мне ложкой дегтя. Уважаемый автор призывал нас сражаться за культуру, если мы не хотим, чтобы наши сыновья шли в криминал, а дочери на панель. Обвиняя газету и «нас» в провинциальном благодушии, оппонент призывает к возмущению, а то — «почитать — все гении, а только общий уровень культуры города

все падает». Я почувствовала себя обиженной сразу с нескольких сторон: и как представитель культуры (в смысле своего рода деятельности), и как провинциалка, убежденная в непреходящей чистоте и ценности российских глубин, и как мать, не привыкшая произносить все до рогае сердцу слова — сыновья, дочери.

Поверьте мне, возмущение не всегда заканчивается переменами к лучшему и тем более не обязательно дает результат. Русский народ ведь обычно пошумит и разоидется... Появление газеты «Культура» — уже доказательство того, что уровень культуры города не падает.

Когда в нашем городе гастролировал скрипач Сергей Стадлер, на утренней репетиции с оркестром он попросил вечером на сцену вынести пюпитр для нот. Мы подумали: будет играть по нотам. Нашему вечернему удивлению не было предела: на пульте стоял альбом репродукций картин В. М. Васнецова. После каждой сыгранной части Стадлер переворачивал страницу, и перед нами вставали образы знакомых с детства «Богатырей», «Аленушки»...

Играя узко скрипичного Вьетана, Стадлер созерцал Русь Васнецова, быть может, ощущая здесь, в провинции, как безнадежно утеряно что-то глубинно-русское в столичной жизни? Быть может, напоминая себе и нам, что именно с Россией связаны счастливые годы жизни французского композитора (здесь родились его дети, да и исполняемый концерт был написан во время русского турне), а может — просто хотел говорить на «нашем» языке?

В поведении популярного артиста не было и намека на пренебрежение к провинции. В прошлый свой приезд из предложенной ему «культурной программы» Сергей Валентинович выбрал профессиональное общение с педагогами и студентами. «Запросто» ходил на спектакли, без соответствующего его уровню «охранного» сопровождения возвращался в гостиницу, по пути беседуя с артистами оркестра... Почему же мы везде и всюду стремимся устыдиться своей патриархальности? Почему торопимся «привязать» ее к оценке всех явлений нашей жизни? Кстати сказать, сколько-нибудь компетентной оценки искусства Сергея Стадлера в нашем городе на страницах газет я так и не нашла. Говоря языком пушкинской шутки, «изумленные народы не знали, что им предпринять...». Пусть это будет моим пожеланием газете «Культура».

Людмила ИВОНИНА,
музыкант.